

Самое главное — как ни крути, эта фраза звучала как ревность и неудовлетворённое желание.

Ян Имин подумал: интересно, если я сам влеплю себе пощёчину, смогу ли я вернуть эти слова обратно?

А вот Дин Цзыму, похоже, совершенно не заметил никакой неловкости. Он ответил как само собой разумеющееся:

— Конечно, я не стал бы врать вам, учитель Ян. Вы же мой психолог. Если я не буду говорить вам правду, как вы сможете мне помочь? Верно, учитель Ян?

Ян Имина этот град из «учитель» и «вы» оглушил так, что свет померк, а земля ушла из-под ног.

Как только Дин Цзыму устроился, первым делом он занялся поиском работы. По этому поводу Ян Имин специально с ним поговорил. Дин Цзыму хотел пойти в курьеры, потому что, судя по всему, в этой сфере было больше всего вакансий. Ян Имин одним предложением разбил его замысел в пух и прах:

— А ты сможешь гарантировать, что каждый раз будешь помнить, кому и что нужно доставить?

Дин Цзыму, прикинув, как у него проявляется своенравная «амнезия», которая накатывает, когда вздумается, решил, что велика вероятность однажды посреди доставки напрочь забыть, чем он вообще занимается.

— Тогда какую же мне работу искать? — озабоченно спросил Дин Цзыму. — С моим образованием на другую не устроиться.

— Займись своим ремеслом, — подумав, сказал Ян Имин. — Эта работа тебе знакома лучше всего.

— Но... — Дин Цзыму заколебался. — Меня уже выгоняли из двух пекарен. Боюсь, что снова поссорюсь с покупателями.

Ян Имин покачал головой:

— Глупый ты. Боишься ссориться с покупателями, а с клиентами не боишься? В доставке тоже можно с кем-нибудь поругаться.

— Тогда... может, пойду посудомойщиком? Общаться ни с кем не надо.

— Боюсь, в ресторане не хватит посуды, чтобы ты её перебил.

— ...

— Всё, — Ян Имин хлопнул ладонью по столу. — Решено. Давай поищем, какая пекарня берёт людей на работу. В наше время, будь ты женщиной, может, и не нашёл бы работы, но у мужчин такой проблемы никогда не было.

Дин Цзыму сказал:

— Учитель Ян, я буду каждый день после работы приносить вам пирожное.

Ян Имин расхохотался:

— Ученик, достойный учителя!

Пекарня, которую нашёл Дин Цзыму, была недалеко от дома — пешком примерно сорок минут. Учитывая пробки, Дин Цзыму решил, что лучше ходить пешком. К тому же Ян Имин советовал ему больше двигаться и общаться с людьми, чтобы привести в порядок свои мысли и чувства. Дин Цзыму был очень послушен и каждый день, стараясь не быть назойливым, как можно больше разговаривал с покупателями и коллегами. В пекарне работало много девушек, а мужчин было всего двое. Дин Цзыму был красив и мягок характером, так что уже через пару дней он стал всеобщим любимцем.

Однажды Ян Имин закончил работу пораньше и решил зайти за Дин Цзыму. Когда он подошёл к пекарне, Дин Цзыму как раз украшал кремом торт для покупателя. В белом колпаке повара, он осторожно держал кондитерский мешок, выдавливая крем на пирожное. Он был полностью сосредоточен, даже ресницы не поднимал.

Ян Имин бесшумно прислонился к огромному витринному стеклу, наблюдая за Дин Цзыму. Он осторожно выбирал позицию, чтобы его тень не падала на свет Дин Цзыму. Он просто смотрел на него, ни о чём не думая. И только когда Дин Цзыму выдавил последний кремный цветок и, выдохнув, выпрямился, Ян Имин тоже невольно сделал глубокий вдох. В груди появилась какая-то тяжесть.

Ян Имин потрогал свою грудь и нахмурился.

Дин Цзыму, отложив насадку и разминая запястье, заметил Ян Имина. В ярком свете его глаза блестели красивым блеском. Ян Имину вдруг показалось, что в пекарне слишком сильно пахнет кремом, сладкий аромат кружил голову.

Ян Имин через стекло указал на торт перед Дин Цзыму, мол, работай, не отвлекайся.

Дин Цыму, щёлкнув каблуками, встал по стойке смирно, а затем снова наклонился, чтобы воткнуть в торт шоколадную табличку и, сменив насадку, написать надпись.

Ян Имин увидел, как на светло-голубом креме он выводит: «Навеки твой».

Дин Цыму упаковал торт в коробку, перевязал лентой и очень аккуратно воткнул в неё искусственную розу. Передавая торт покупательнице, он искренне улыбнулся и сказал:

— Будьте счастливы.

Та, сияя, ушла с тортом.

Ян Имин обратился к Дин Цыму, который торопливо вышел из подсобки:

— Язык у тебя хорошо подвешен.

— Вы же сами велели мне больше общаться с покупателями.

— Да, ты отлично справляешься, — подбодрил его Ян Имин. — Продолжай в том же духе. Добейся, чтобы своей красивой мордашкой и сладкими речами разорить все пекарни на этой улице.

— Я же не лицо продаю, — не удержавшись, улыбнулся Дин Цыму. — Учитель Ян, вы слишком преувеличиваете.

— До того, чтобы продавать лицо, тебе ещё далеко. — Дин Цыму улыбался слишком ослепительно, Ян Имин отвёл взгляд, делая вид, что рассматривает витрину, и сменил тему: — Во сколько ты заканчиваешь?

— Через час, — Дин Цыму посмотрел на часы на стене.

— После работы зайти ко мне, заполним ещё одну анкету.

— Хорошо, — ответил Дин Цыму. — Возвращайтесь и ждите, я приду, как только закончу.

Ян Имин кивнул, повернулся и пошёл к выходу, но, сделав пару шагов, остановился. Дин Цыму, глядя на его спину, удивился, гадая, не забыл ли учитель Ян чего.

Ян Имин обернулся и немного неуверенно сказал:

— По дороге купи немного овощей. Мне одному лень готовить.

— А, — Дин Цзыму на мгновение растерялся, не успев ничего ответить. Ян Имин улыбнулся: — Считай это платой за сеанс.

— Хорошо, — бодро согласился Дин Цзыму, провожая взглядом фигуру Ян Имина, выходящую из пекарни.

В пекарне витал густой сладкий аромат, и Дин Цзыму подумал, что этот запах очень приятный.

Ужин был простым: три блюда и суп, но очень вкусным. Ян Имин, погладив живот, сказал:

— Нам нужно придумать другой способ оплаты, а то я не только консультирую тебя, но и сам толстею. Сплошной убыток.

Дин Цзыму сказал:

— Учитель Ян, я думаю, насчёт платы за консультации...

Ян Имин поднял ладонь, призывая его замолчать:

— У тебя есть деньги?

Дин Цзыму кивнул, потом покачал головой:

— Есть, но очень мало.

— Хочешь решить свои психологические проблемы?

— Хочу.

— Осмелишься пойти на кражу или грабёж?

— Нет.

— Тогда о чём ты со мной говоришь насчёт платы?

Дин Цзыму замолчал.

— Дин Цзыму, человек должен есть по своему аппетиту. Если ты сказал, что можешь что-то сделать, то обязан это исполнить. А чего не можешь — о том даже не заикайся.

— Но, учитель Ян, — Дин Цзыму отложил палочки и посерьёзnel. — Я знаю, вы по доброте душевной хотите мне помочь. Но одно к одному не пришьёшь: лечение должно оплачиваться, это естественно. В этом мире никто никому ничего не должен. То, что вы мне помогаете — это ваша милость, а не обязанность. Я не могу просто так примазаться и делать вид, что ничего не происходит.

— Я выбираю милость, — спокойно сказал Ян Имин.

— А? — Дин Цзыму на миг отвлёкся, ему показалось, что он ослышался.

— Я сказал, что между милостью и обязанностью я предпочитаю милость, — повторил Ян Имин. — И ещё, Дин Цзыму, я должен тебя сразу предупредить: в области психологии я далеко не профессионал. А твоя проблема очень сложная. Так что, в некотором смысле, ты — моя подопытная мышь. Получится или нет — совершенно непредсказуемо. Я, я даже не рискну сказать, что у меня есть хотя бы тридцать процентов уверенности.

Говоря это, Ян Имин тщательно взвешивал каждое слово. С таким человеком, как Дин Цзыму, конечно, можно было бы темнить и отделиваться успокаивающими общими фразами, он и это умел, мог бы говорить искренне и трогательно, одурачить Дин Цзыму было проще простого, даже стараться не пришлось бы. Но Ян Имин не хотел его обманывать. Он знал, что так сможет завоевать доверие Дин Цзыму в кратчайшие сроки.

Дин Цзыму это несколько не смутило, он сказал:

— Даже так, я всё равно вам очень благодарен. Потому что никто другой не согласился бы консультировать меня бесплатно. А если бы и согласился, то только для того, чтобы использовать меня как типичный случай болезни для исследования. Так что...

Дин Цзыму беззаботно пожал плечами:

— Какая разница, кому быть подопытной мышью? Я лучше буду ею для вас.

У Ян Имина ёкнуло сердце. Эти несколько слов Дин Цзыму, сказанные небрежно, вдруг обрели невыразимую тяжесть и неожиданно упали ему прямо на душу. Давление было слишком велико, он даже немного занервничал.

Ян Имин неловко кашлянул, опустил ногу, которую закинул на ногу, и неосознанно принял более официальную позу:

— Я сделаю всё возможное. Если я не справлюсь, я передам тебя надёжному специалисту.

Дин Цзыму не стал это комментировать, а сменил тему:

— Какую анкету вы хотите, чтобы я заполнил?

Ян Имин открыл ноутбук, и перед Дин Цзыму появились три большие буквы: EPQ. Дин Цзыму подвигал мышкой:

— Ничего, всего восемьдесят восемь пунктов.

С этими словами он сел и начал старательно отвечать на вопросы. Ян Имин по-прежнему сидел на диване напротив и смотрел на него. С тех пор как он заподозрил у Дин Цзыму DID, он всё больше замечал в нём необычное. Сегодня он был более инициативен, чем в прошлый раз. В разговоре он уже не просто отвечал и отступал. Можно даже сказать, что в его словах появился какой-то наступательный оттенок. Он даже научился «обходить» и прибегал к уклончивым ответам на нежелательные темы.

Ян Имин взволновался. Ему очень хотелось увидеть других «Дин Цзыму».

Через час с лишним, когда Ян Имин пошёл проверять результаты опросника Дин Цзыму, он обнаружил, что значения шкал N и P демонстрируют странное распределение баллов. Данные показывали, что Дин Цзыму — человек, не заботящийся о других, с трудом адаптирующийся к внешней среде и недружелюбный.

Ян Имин вспомнил, как Ло Ян по-дружески обнимал Дин Цзыму за плечи, и как в пекарне все окликали его «Дин» по разным поводам. Он никак не мог представить, каким же бывает «недружелюбный» Дин Цзыму. Разве что тот Дин Цзыму, который дрался у входа в парк аттракционов...

Внезапно у Ян Имина возникла мысль. Эта мысль нахлынула стремительно и сразу захватила весь его рассудок, не давая вырваться. Он почувствовал, как ладони мгновенно вспотели, сердце забилось так сильно, что даже заныли рёбра. Он не мог контролировать желание попробовать. Он встал со стула, заставил себя пройти по комнате, надеясь утихомирить свой порыв.

Зачем утихомиривать? — подумал он. Дин Цзыму доверяет ему, а у самого Ян Имина нет злого умысла. Он просто хочет как можно быстрее определить его болезнь и глубже проникнуть в его внутренний мир. Трезвый Дин Цзыму не причинит ему вреда. А если это тот самый «одиноким волк» — Ян Имин украдкой оглядел Дин Цзыму. У того было стройное, поджарое и крепкое тело, видимо, из-за физической работы, покрытое тонким слоем мышц. Ян Имин сжал кулаки. Сам он был на два-три сантиметра выше Дин Цзыму, в спортзал не ходил, но за диваном лежала бейсбольная бита...

Ян Имин остановился:

— Дин Цзыму, сядь на диван.

Дин Цзыму послушно сел на диван. Он был совершенно расслаблен. Только что съеденный ужин переваривался в желудке, после целого дня работы он немного устал. Сидя в этой хотя и незнакомой, но почему-то очень уютной комнате, перед человеком, которого знал недолго, но которому почему-то особенно доверял, Дин Цзыму подумал, что в этой так называемой психотерапии нет ничего страшного. Даже если бы учитель Ян прямо сейчас объявил ему о самом тяжёлом психическом заболевании, он бы спокойно сидел здесь и принял эту страшную новость.

— Я вскипачу чайник, и мы не спеша поговорим, — сказал Ян Имин, заходя на кухню. По пути он включил таймер духовки, который начал издавать ритмичное «бип-бип-бип» — равномерное, без ускорений и замедлений. Сначала этот звук казался монотонным и раздражающим, но постепенно к нему привыкли, и его даже перестали замечать.

Когда Ян Имин вернулся в гостиную с чашкой чая, Дин Цзыму спросил:

— Учитель Ян, это у вас микроволновка или духовка гудит?

— Духовка, — ответил Ян Имин. — У неё таймер сломался, как включишь — начинает сам себя веселить. Не обращай внимания, скоро перестанет.

— А почему не выключишь из розетки?

— Вилка за панелью, мне лень вытаскивать, — небрежно бросил Ян Имин, протягивая чашку Дин Цзыму, а сам сел в соседнее кресло и как бы между делом перебросил Дин Цзыму диванную подушку.

Дин Цзыму машинально подхватил её и положил рядом, устраиваясь поудобнее.

Ян Имин сказал:

— Дин Цзыму, сегодняшняя анкета показала, что иногда ты бываешь довольно вспыльчивым, даже агрессивным.

— Правда? — задумался Дин Цзыму. — Наверное. Меня же два раза увольняли.

— Ничего страшного, — голос Ян Имина стал медленным и тихим, с лёгкой улыбкой. — Заяц и тот кусается, когда его прижмут. У самого смирного человека есть свой характер. Ты хоть людей не кусаешь. Вон, Суареса тоже не выгнали из сборной.

Дин Цзыму улыбнулся, откинулся на спинку дивана, приняв совершенно расслабленную, томную позу.

— Тяжело было сегодня?

— Нормально.

— Целый день на ногах — это, конечно, утомительно, — медленно проговорил Ян Имин. — Вообще-то сейчас нам не стоит разговаривать, лучше бы лечь спать. Устал за день, только что поел — самое время взять одеяло и хорошенько выспаться.

— Да, что-то спать хочется, — сказал Дин Цзыму. — Сегодня вечером лягу пораньше.

— К тебе сегодня дети за хлебом заходили?

— Конечно, — с улыбкой ответил Дин Цзыму. — Они же основные покупатели.

— Наверное, шумные непоседы?

— Ага. Постоянно боишься, что они опрокинут стеллажи, приходится следить. — Дин Цзыму, видимо, что-то вспомнив, невольно скривился.

— Воровали хлеб?

— Сегодня нет. А на днях один ребёнок взял с кассы леденец. — Брови Дин Цзыму постепенно сошлись к переносице, в глазах уже не было улыбки, появились усталость и раздражение.

— Скандалили? — Ян Имин подпёр подбородок рукой, указательным пальцем в ритме постукивая по челюсти — расслабленно и непринуждённо.

— Ага, двойняшки. Носились повсюду. — Дин Цзыму с досадой цокнул языком. — До чёртиков надоели. Везде бегают, на людей налетают, а родителям хоть бы хны.

— Не поссорились?

— Чуть не дошло, — Дин Цзыму хмыкнул. — Эти двое сразу видно, что избалованные до безобразия. Бегали вокруг стеллажей, сбили с ног какую-то девчушку, а родители даже

«извините» не сказали. Родители — просто сволочи. Что из таких вырастет?

Ян Имин глубоко вздохнул. Все его нервы были напряжены до предела, каждый сустав ныл от перенапряжения. Он слегка откинулся назад, неосознанно увеличив расстояние между собой и Дин Цзыму.

Он медленно спросил:

— Как тебя зовут?

С кухни донёсся звук «динь» — это сработал таймер духовки. В тихой комнате этот звук прозвучал резко и пронзительно.

Дин Цзыму холодно усмехнулся:

— Учитель Ян, вы говорили со мной столько времени, а теперь вспомнили спросить, кто я? Не поздновато ли?

— «Услышав утром истину, можно вечером умереть», — Ян Имин выдавил из себя улыбку. — Не поздно.

Дин Цзыму бесстрастно смотрел на него, ресницы были полуопущены, но сквозь них всё равно пробивался острый, колкий взгляд. Он по-прежнему сидел в той же расслабленной позе, но Ян Имину казалось, что его слегка согнутые ноги в любой момент могут оттолкнуться, и он одним прыжком взлетит с дивана; что рука, лежащая на колене, может взметнуться и ударить так, что искры из глаз посыплются; и даже один его взгляд был острым, как лезвие.

— Да Дин, — шевельнув губами, выдохнул Дин Цзыму.

— «Да Дин» значит, — улыбнулся Ян Имин. — Подходит тебе по характеру.

Дин Цзыму — или уже Да Дин — не рассердился, только скользнул по Ян Имину взглядом из-под приопущенных век. В нём на миг будто блеснуло остриё, но тут же исчезло, стоило ему снова опустить веки. Этого мгновенного взгляда хватило, чтобы Ян Имин почувствовал холодок, словно за ним кто-то следит.

Ян Имину было действительно страшно. Он уже пожалел о содеянном. Использовать гипноз для вызова субличности Дин Цзыму было всего лишь идеей. Строго говоря, он никогда не изучал гипноз, только в аспирантуре научился паре приёмов у своего научного руководителя — даже начальным уровнем это не назвать. За границей гипноз применяют только психотерапевты с двадцати-тридцатилетним опытом, и для этого требуется полное сотрудничество пациента. Ян Имин попробовал почти наудачу и никак не ожидал, что у него действительно получится.

Сначала Ян Имин не знал, каким путём можно разбудить субличность Дин Цзыму, но вспомнил сцену у входа в парк аттракционов. Всё началось с ребёнка, и в галлюцинациях Дин Цзыму тоже постоянно появлялся ребёнок. Ян Имин подумал, что, возможно, «ребёнок» — это ключ. Он начал подводить Дин Цзыму к воспоминаниям о невоспитанных детях в пекарне, и, как и предполагалось, постепенно появился Да Дин.

Ян Имин, наверное, должен был похвалить себя за сообразительность, но сейчас ему было совсем не до веселья. Он был в панике — чёрт возьми, и как теперь из этого выпутываться?

Да Дин медленно поднял голову, его взгляд, полный насмешки, словно пригвоздил Ян Имина к дивану. С холодной, издевательской улыбкой Да Дин сказал:

— Учитель Ян, вы боитесь меня.

Это был не вопрос, а утверждение. Ян Имин чувствовал себя овцой, заблудившейся в пустыне, на которую нацелился не слишком голодный волк. Тот не хотел, или не торопился, его съесть, а просто развлекался, играл с ним.

— Боюсь, — Ян Имин пожал плечами, сменил позу, стараясь казаться более спокойным и уверенным. На самом деле его страх был вызван не столько этим незнакомым и опасным Дин Цзыму, сколько самим собой.

Чёрт возьми, я ведь и правда его вызвал. И как мне теперь его обратно засунуть? Мне нужен Дин Цзыму!

— Учитель Ян? — снова поддразнивающим тоном позвал Да Дин. — Чего вы боитесь?

— Да нет, не боюсь, — пытаюсь сохранять самообладание, сказал Ян Имин. Его мозг лихорадочно работал. Такой шанс выпадает раз в жизни. Он не знал, удастся ли ему в следующий раз снова вызвать Да Дина, а потому должен был ухватиться за эту возможность и продолжить разговор. Ему нужно было найти причину появления у Дин Цзыму субличности, чтобы в дальнейшем помочь ему.

Но о чём говорить?

У Да Дина взрывной характер, он не расположен к людям. В разговоре с ним нельзя задевать его за живое, но где именно находится его «ахиллесова пята», никто не знал. Ян Имин начал нервничать, у него даже голова вспотела от волнения, но он никак не мог придумать тему, которая заставила бы Да Дина продолжать разговор.

— Ты правда не боишься?